

Новый банк развития и цели устойчивого развития: выполняет ли банк свой мандат?

Морозкина А.К., Григорьев Л.М.

Как инновационный институт, НБР должен всегда соответствовать вызовам и постоянно быть новым.

*Маркос Троихо,
президент Нового банка развития*

Морозкина Александра Константиновна — доцент, заместитель декана по науке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Научно-исследовательского финансового института Минфина РФ.

SPIN РИНЦ: 9712-7730

ORCID: 0000-0002-9529-9601

ResearcherID: I-4257-2016

Григорьев Леонид Маркович – к.э.н., ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Современная мировая экономика».

SPIN РИНЦ: 8683-3549

ORCID: 0000-0003-3891-7060

ResearcherID: K-5517-2014

Scopus AuthorID: 56471831500

Для цитирования: Морозкина А.К., Григорьев Л.М. Новый банк развития и цели устойчивого развития: выполняет ли банк свой мандат? // Современная мировая экономика. 2023. Том 1. №3 (3).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-3-95-112>

Ключевые слова: НБР, ЦУР, многосторонние банки развития, финансирование в целях развития, отчетность по ЦУР, неравенство.

Аннотация

Многосторонние банки развития (МБР) уже давно играют важную роль в преодолении международных вызовов, в том числе посредством совместных исследований. Они менее политически ангажированы, в отличие от двусторонних программ содействия развитию, и поэтому занимают более

выгодную позицию в формировании глобальной повестки. Новый банк развития (НБР), в свою очередь, является особенно важным игроком среди МБР, поскольку это один из немногих институтов, сооснователями которого стали крупнейшие мировые экономики, но при этом в него не входят страны G7. В 2020 г. НБР продемонстрировал способность обеспечивать своевременное и эффективное кредитование своих членов в условиях кризиса – первая программа экстренной помощи в целях борьбы с COVID-19 была одобрена в марте 2020 г.

В этой статье обсуждаются изменения глобальной повестки устойчивого развития и вклад НБР в достижение целей устойчивого развития (ЦУР) в странах-членах, потенциальные инструменты и приоритетные сектора в долгосрочной перспективе, а также его влияние на глобальную финансовую архитектуру с учетом мировой экономической ситуации. Рассмотрено соответствие проектов НБР целям устойчивого развития. Авторы пришли к выводу, что НБР особенно способствует реализации ЦУР 6, ЦУР 7, ЦУР 8 и ЦУР 9, при этом лидирует ЦУР 9 (49 проектов). Это полностью совпадает с мандатом банка, в котором основным сектором инвестиций названа инфраструктура.

Введение

Потрясения последних лет стали серьезным ударом для глобальных планов в области устойчивого развития, а Повестка-2030 остро нуждается в пересмотре. Одним из последствий шоков стало увеличение неравенства как внутри стран, так и между ними. Развитые государства сосредоточились на поддержке собственной экономики, поэтому внутренние программы финансового стимулирования достигли беспрецедентных масштабов, а помощь нуждающимся развивающимся странам отошла на второй план.

Суммарный объем официальной помощи развитию (ОПР; ODA) от государств, входящих в Комитет содействия развитию (КСР; DAC), вырос на 11% [OECD, n.d.], до 206 млрд долл. в 2022 г. Однако масштаб и многообразие глобальных нужд значительно увеличились за период пандемии COVID-19: по оценкам ОЭСР, разрыв в финансировании ЦУР достиг 3,7 трлн долл. в 2020 г. [OECD 2021a. P. 15]. Оба этих тренда – небольшое увеличение помощи и значительный рост финансовых нужд развития – ведут к снижению относительного потенциала ОПР. Ситуация выглядит особенно несправедливой, если обратить внимание на географическое распределение помощи: доля помощи, направляемой в страны с низким доходом, упала на 3,5%, до 25 млрд долл., в 2020 г. по сравнению с 2019-м [OECD 2021a. P. 8]. Как и следовало ожидать, во время пандемии приоритет ОПР сместился на здравоохранение и медицинские нужды – прежде всего вакцинацию [IHME 2021].

Отсутствие видимого прогресса в реализации ЦУР и относительное снижение финансирования ведут к изменению как краткосрочных вызовов для международного сообщества, так и долгосрочных для адаптации к возможным будущим

кризисам и повестки в области развития. То же самое касается сотрудничества в сфере развития: на первом этапе главная проблема заключается в обеспечении поддержки ряда небольших пострадавших стран или менее развитых стран, потерявших доходы. Однако в долгосрочной перспективе ключевая проблема – это восстановление роста и возврат на путь развития, а также решение проблем адаптации к кризисам. Наднациональные институты в этом вопросе могут играть ведущую роль и отслеживать глубокие изменения глобальной повестки.

В последние годы повестка двусторонней и многосторонней помощи меняется. Пандемия 2020 г. застала мир врасплох, всем странам пришлось бороться с болезнью на национальном уровне при ограниченной международной поддержке. Глобальная повестка начала смещаться на нужды системы здравоохранения и проблему «новой бедности» [Grigoryev, Morozkina 2023]. Одновременно возросла значимость проблемы энергетической безопасности [Grigoryev, Medzhidova 2020]. В 2020–2022 гг. глобальные политические и экономические процессы стали опережать возможности реагирования многосторонних структур и национальных правительств. Восстановление 2021 г. совпало с опережающим циклом сырьевых цен и характеризовалось отложенным восстановлением сферы услуг, одновременно с быстрым ростом спроса на товары. Цены на энергоресурсы и сырьевые товары росли быстрее, чем потребительская инфляция в целом, и все еще существует риск возврата к стагфляции 1980-х. Прежде чем были найдены и реализованы необходимые решения, специальная военная операция РФ (началась 24 февраля 2022 г.) вызвала беспрецедентный санкционный ответ со стороны стран НАТО и ЕС. Вероятно, следует отметить, что традиционная повестка развития, глобального управления и путей к глобальному экономическому росту никогда не будет такой, как в предыдущие десятилетия.

В этих сложных условиях многосторонние банки развития как одновременно исследовательские структуры и участники системы оказания помощи развитию должны играть решающую роль в формировании новых рамок работы. Они считаются менее политически ангажированными в этих процессах [Морозкина 2019] и поэтому занимают более сбалансированную позицию с точки зрения глобального развития и его финансирования.

В этой статье рассматривается потенциальная роль многосторонних банков развития (МБР) в целом и Нового банка развития (НБР; NDB) в частности в обновлении глобальной повестки устойчивого развития. В первом разделе анализируются последние тренды в рамках целей устойчивого развития и их долгосрочные последствия; второй раздел посвящен теоретической роли МБР в устойчивом развитии; в третьем разделе подробно описана методика оценки роли НБР в устойчивом развитии. В четвертом разделе представлены результаты оценки деятельности в сфере устойчивого развития, а в заключительном даны рекомендации по дальнейшей политике банка.

1. Последние тренды реализации Целей устойчивого развития

Пандемия COVID-19 серьезно ударила по планам глобального развития в 2020–2022 гг. и затронула все цели устойчивого развития (ЦУР). До 2019-го мировое

сообщество было еще достаточно оптимистично настроено, особенно если судить по национальным добровольным отчетам по ЦУР ООН. Дискуссии, связанные с достижением ЦУР, в основном фокусировались на положительных трендах и ожидаемых успехах в реализации повестки к 2030 г., хотя по многим аспектам реальные достижения не были столь впечатляющими. В 2020 г. ситуация радикально изменилась, а в недавнем докладе по устойчивому развитию отмечены пути трансформации, которая необходима для ускорения глобальных усилий на этом направлении [UN 2023]. Шок от пандемии COVID-19 изменил ожидаемую траекторию, нарушил реализацию ЦУР и создал целый список новых проблем, требующих решения в контексте устойчивого развития. Например, 2020 год продемонстрировал неустойчивость достигнутых результатов [Sachs et al. 2021], более того, средний глобальный индекс, оценивающий прогресс стран в достижении ЦУР, в 2020-м упал впервые с 2015 г. Пандемия и последующие шоки серьезно повлияли на первую цель (ЦУР 1, Ликвидация нищеты во всех формах) – число людей, живущих менее чем на 2,15 долл. в день (в ценах 2017 г.), выросло на 75–95 млн, а их доля в общей численности населения планеты увеличилась с 8,7% в 2019-м до 9,6 в 2020-м [World Bank, n.d.]. Другие цели также были затронуты, как отмечает ООН [UN 2023]. Доля недоедающих возросла с 8% в 2019-м до 9,8% в 2021-м [UN 2023. P. 10]. Цель 3 (Здоровье и благополучие) уже кажется недостижимой с учетом сокращения продолжительности жизни в большинстве европейских стран [EC 2021]. Цель 3.3 – «к 2030 г. прекратить эпидемии и распространение инфекционных заболеваний» – представляется не соответствующей нынешним реалиям [UN 2015], особенно учитывая рост смертельных случаев COVID-19 с 1,8 млн в 2020-м до 4,8 млн в 2021-м [Our World in Data, n.d.].

ЦУР 4 (Качественное образование) также потребует коррекции, учитывая массовое закрытие школ в 2020 г. и последствия для системы образования, которые мы пока не осознали. Например, в апреле 2020 г. школы в 173 странах были закрыты из-за локдауна, еще в семи странах школы были открыты частично [UNESCO 2021]. Учитывая различия в доступе к цифровому образованию, растущее неравенство внутри стран и между ними стало еще одним фактором сокращения доступа к образованию (цель 10, Снижение неравенства).

Помимо вышеперечисленного, ЦУР 8 (Достойная работа и экономический рост) демонстрирует отрицательную динамику на фоне глобального роста безработицы с 5,4% в 2019-м до 5,8% в 2022-м [UN 2023. P. 14].

На ЦУР 7 (энергетика) и ЦУР 13 (Борьба с изменением климата) локдаун изначально, казалось, оказал позитивное воздействие. Но в итоге они выглядят не лучше, чем остальные: ежедневные выбросы CO₂ растут и в начале 2021-го уже превысили докризисный уровень и в целом находятся на значительно более высоком уровне, чем ожидалось. Суммарные выбросы CO₂ в 2020 г. оказались лишь на 5,4% ниже, чем в 2019-м [Liu et al. 2021]; выбросы парниковых газов в 2021-м превысили уровень 2019 г. не только в Китае, но и во многих других странах и в мире в целом. Уголь вернулся в 2021-м даже в страны ЕС. Это не очень приятное развитие событий на фоне встречи в Глазго в ноябре 2021 г., на которой должны были установить новые цели по климатической повестке. При этом нехватки энергии в мире или в регионах не наблюдается.

Хотя высокие цены на энергоресурсы уже вышли на новый уровень, в начале 2022-го фактор санкций резко поднял цены еще выше. То же самое можно сказать о ценах на зерно, которые зависят от энергетических и транспортных издержек, что, в свою очередь, зависит от политики грузоперевозок и использования портов. С точки зрения стратегического планирования в контексте развития на настоящий момент можно выделить три ключевых вызова: 1) шок 2022 г.; 2) долгосрочные ограничения финансирования, логистики и управления повесткой ЦУР; 3) изменение долгосрочных приоритетов многих правительств и многосторонних институтов.

Совокупное воздействие кризиса 2020 г. можно описать как «катастрофическое» [UN 2021], оно привело к увеличению разрыва в финансировании мер по преодолению кризиса и достижению ЦУР в развивающихся странах по меньшей мере на 50%, достигнув 3,7 трлн долл. в 2020-м [OECD 2021a]. МВФ высказал озабоченность по поводу ситуации с различием в уровнях вакцинации в развитых и развивающихся странах [IMF 2021. P. 2–3].

Поскольку нынешние условия потенциально способны стать эндемичными и в конечном итоге создать «новую нормальность», такие эксперты, как Бобылев и Григорьев (2020), Григорьев и Меджидова (2020), Григорьев и другие (2021), предложили поправки к ЦУР. Они считают необходимым упрочить концепцию ценности человеческой жизни в рамках ЦУР и предлагают два решения: во-первых, преобразовать ЦУР 3 (Здоровье и благополучие), включив показатели, связанные со здоровьем, из других ЦУР – например, перераспределительный эффект финансовой политики (цель 10.4), что помимо прочего означает доступ к объектам здравоохранения; во-вторых, создать дополнительную ЦУР в свете концепции ценности человеческой жизни и риска эпидемий и новых болезней [Bobylev and Grigoryev 2020].

Чтобы объяснить различия национальных систем здравоохранения, долгое время требовалось понимание институциональных особенностей общества и системы налогообложения. Сегодня на фоне пандемии COVID-19 вызывает тревогу тот факт, что, несмотря на неустойчивое функционирование систем здравоохранения даже развитых стран (не говоря уже про развивающиеся), в обществе отсутствует призыв к пересмотру упомянутых финансовых и институциональных настроек системы в новых условиях. Конечно, такую реформу сложно начинать в период кризиса. Но само отсутствие дебатов о создании более адекватных систем в будущем кажется удивительным, хотя и вполне понятным с точки зрения всех заинтересованных сторон в системе здравоохранения: государство (госбюджет), частные финансы, фармацевтические компании и др. С этой точки зрения и как видно из таблицы 1 (с. 100), вопросов гораздо больше, чем ответов, ведь даже огромная разница в расходах на здравоохранение на душу населения не обеспечила защиту от ковида. Все страны и медицинские организации прилагали максимум усилий для борьбы с пандемией, но социальные и финансовые проблемы, по-видимому, уходят гораздо глубже – это не только вопросы управления и бюджета. В США и Великобритании оказался неожиданно высокий уровень смертности в эти два года, который приблизительно соответствует показателям Бразилии и Мексики. Такие корреляции заслуживают призыва к пересмотру традиционных взглядов на системы здравоохранения, на то, какими они должны быть в соответствии с ЦУР. В то же время неблагоприятные

результаты отчасти объясняют разницу в масштабах внутренней и международной реакции стран-доноров, поскольку развитым экономикам пришлось бороться с собственными трудностями. Многосторонние институты развития могут играть более значительную роль в дискуссиях о способах повышения устойчивости и адаптивности социальных систем, учитывая их компетентность и нейтральность.

Таблица 1. Различия в системах здравоохранения, последние имеющиеся данные* (2020 г. по расходам, март 2022 г. по эффекту от COVID-19)

	Расходы на здравоохранение, в текущих долл. США на душу населения, 2020	Общее количество смертей от COVID-19, % населения	Общее количество подтвержденных случаев COVID-19, % населения	Доля полностью вакцинированных, % населения, март 2022
Страны с высоким доходом, в т.ч.	6176	0,19	22,3	74
США	11 702	0,30	24,3	66
Великобритания	4927	0,25	31,5	72
Франция	4492	0,21	37,8	78
Германия	5930	0,16	25,4	75
Страны с доходами выше среднего, в т.ч.	527	0,10	4,9	76
Россия	774	0,25	12,2	50
Китай	583	0,00	0,0	86
Мексика	539	0,25	4,4	61
Бразилия	701	0,31	14,1	75
ЮАР	490	0,17	6,3	30
Страны с доходами ниже среднего, в т.ч.	95	0,04	2,7	50
Индия	57	0,04	3,1	60
Украина	270	0,25	11,4	35
Филиппины	165	0,05	3,4	59
Страны с низкими доходами, в т.ч.	34	0,01	0,3	11
Эфиопия	29	0,01	0,4	18

* Все страны в базе данных Всемирного банка по группам доходов (и в среднем)
 Источник: [World Bank (n.d.)], [Our World in Data (n.d.)]

2. МБР в устойчивом развитии

Роль многосторонних банков развития в повестке устойчивого развития уже давно признана экспертами. Существует четыре ключевых направления деятельности МБР, которые связаны с устойчивым развитием: увеличение финансирования в целях развития; включение ЦУР в бизнес-процессы (требования к проектам и их оценка); продвижение повестки и установка норм; мобилизационный эффект для частного финансирования.

Хотя МБР иногда рассматриваются как несущественные источники финансирования на цели развития в сравнении с двусторонними программами [Kenny 2019], в целом мировое сообщество считает их деятельность в этой сфере важной [Avellan et al. 2022; Griffith-Jones 2016]. Особенно подчеркивается роль банков развития в период кризисов, когда многостороннее финансирование приобретает более контрциклический характер [Griffith-Jones 2016; Griffith-Jones and Gottschalk 2012], чем двусторонние финансовые потоки. Этот феномен еще раз подтвердился в 2020 г., когда шесть ключевых МБР (Всемирный банк, Азиатский банк развития (АБР; ADB), Африканский банк развития (АфБР; AfDB), Межамериканский банк развития (МАБР; IADB), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ; AIIB), Новый банк развития (НБР)) быстро выступили с предложением значительно увеличить расходы. Их суммарные расходы в 2020 г. выросли на 34%, в то время как двусторонние расходы на ОПР по линии Комитета содействия развитию за тот же период увеличились лишь на 10% (рисунок 1 на с. 101). Например, высокий рейтинг и доступ к финансам позволили Международному банку реконструкции и развития (МБРР, входит в группу Всемирного банка) собрать 15 млрд долл. путем выпуска облигаций устойчивого развития за три дня [World Bank 2021]. Разумеется, в абсолютных цифрах двусторонняя ОПР от стран КСР несопоставима с общими расходами МБР, поскольку не все финансовые потоки учитываются как ОПР.

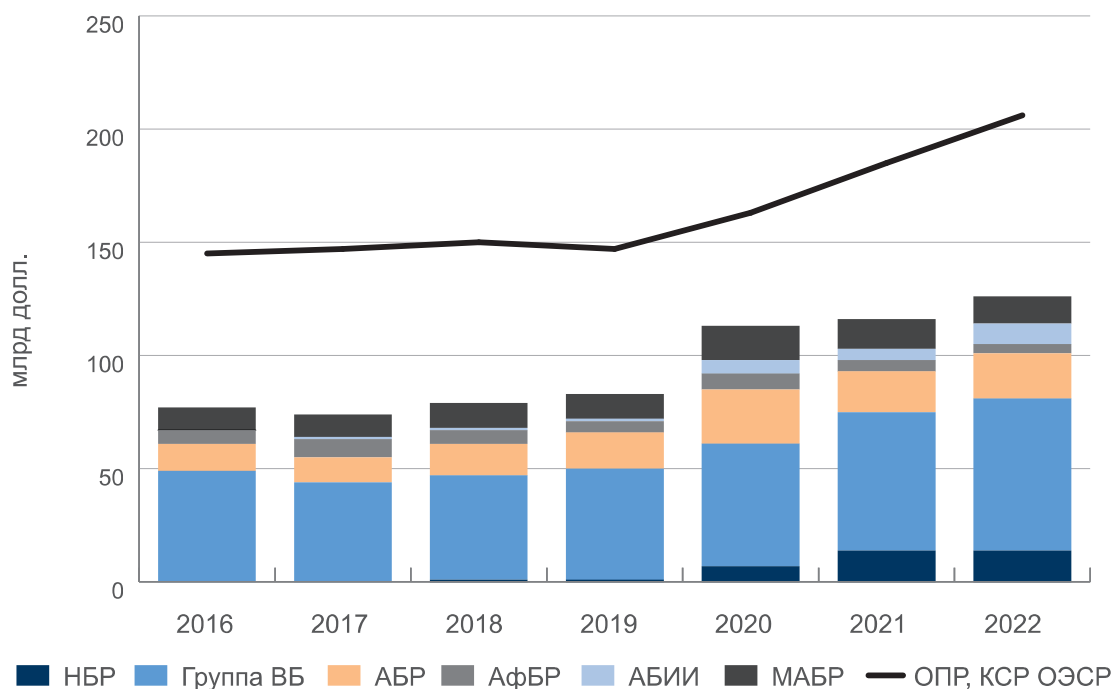

Рисунок 1. Расходы ключевых МБР и ОПР стран Комитета содействия развитию (КСР), 2016–2022, млрд долл.

Источник: [World Bank 2023], [NDB 2023], [ADB 2023], [AfDB 2023], [IADB 2023], [AIIB 2023], [OECD (n.d.)].

Второй способ поддержать устойчивое развитие – привести в соответствие с ним свою операционную деятельность. Дж. Хандл приходит к выводу, что многосторонние банки развития обладают возможностью и «международной правовой обязанностью принимать во внимание потребности устойчивого развития» [Handl 1998. P. 665]. Например, Новый банк развития публикует сведения о своем вкладе в достижение ЦУР в ежегодном докладе [NDB 2021] и учитывает устойчивость как один из критериев при одобрении проекта [NDB 2022]. МБР также используют инновационные финансовые инструменты и играют определенную роль в их масштабировании. Мендес и Хоктон (2020) отмечают роль МБР в продвижении «зеленых» облигаций и подчеркивают, что «МБР (и аналогичные наднациональные структуры) были единственным эмитентом таких бондов до 2012 г.» [Mendez, Houghton 2020. P. 13].

В некоторых исследованиях отмечается особая роль МБР в разработке норм финансирования развития [Mendez, Houghton 2020] и формировании повестки: «Банки развития сформировали мышление о том, что означает развитие и как этим заниматься» [Vazbauers, Engel 2021. P. 2]. У МБР много передовых аналитических работ в сфере устойчивого развития [Bhattacharya et al. 2018], они публикуют соответствующие доклады [Gable et al. 2015] и ведут базы данных. У НБР нет докладов и баз данных по этой тематике в открытом доступе, однако он сделал важный шаг в развитии рынка облигаций в местных валютах благодаря программам заимствований в китайских юанях, южноафриканских рандах и индийской рупии. Кроме того, 20,8% займов предоставляется в валютах стран-членов (суммарная доля, [NDB 2023]).

подавляющее большинство экспертов отмечают мобилизационный эффект МБР в сфере финансирования устойчивого развития [Broccolini et al. 2020; Avellan et al. 2022; Artecona et al. 2019; Bhattacharya et al. 2018]. Некоторые даже называют эту функцию центральной в системе финансирования устойчивого развития. Например, Всемирный банк заявляет, что проекты должны получать государственное финансирование, только если нет устойчивого решения со стороны частного сектора [OECD 2021b. P. 372], а международные организации активно используют термин «синдицированное кредитование», т.е. использование финансирования из нескольких источников для мобилизации дополнительных средств на устойчивое развитие в развивающихся странах [OECD 2018]. По оценкам, при поддержке банков развития синдицированное кредитование можно довести до уровня 9:1 [Kenney 2019. P. 1]. НБР тоже способствует мобилизации финансирования устойчивого развития: если взять данные по проектам, по которым указана общая стоимость, авторы подсчитали, что 33 млрд долл., предоставленные НБР, позволили финансировать проекты на общую сумму более 80 млрд долл. В то же время следует отметить, что часть средств была внесена местными правительствами, поэтому нужно быть аккуратными, говоря о мобилизационном эффекте, и учитывать только привлечение частных инвестиций, а не общую стоимость проекта.

МБР в целом и Новый банк развития БРИКС в частности могут служить опорой или даже фундаментом глобального развития в нынешних условиях разрушения существующей системы глобального управления. Они обязаны участвовать и могут

возглавить процесс адаптации мировой экономики к новым проблемам на фоне ограниченности ресурсов и меняющихся приоритетов в развитых странах. Нарушение глобальной логистики и цепочек поставок – по разным причинам, разными способами и средствами – неизбежно приведет к новым попыткам автономии и независимости. Новый гибридный формат принесет с собой интенсивную регионализацию торговли и тенденции к самообеспечению ключевыми товарами. Инвестиционные проекты будут отражать не только потребности в развитии, финансах и технологиях, но и вопросы санкций, их соблюдения и ограничений по экспортным рынкам. В таких сложных условиях будет непросто достичь целей развития.

3. Данные и методология

Новый банк развития играет особую роль в устойчивом развитии, поскольку с самого начала его мандат состоял в «мобилизации ресурсов на инфраструктурные проекты и проекты устойчивого развития в БРИКС и других развивающихся странах» [BRICS 2014]. Как было показано в предыдущем разделе, он вносит свой вклад по всем четырем направлениям деятельности МБР, которые способствуют устойчивому развитию.

Более того, каждый проект НБР можно связать с целями устойчивого развития. Сам банк разработал специальный, основанный на фактах метод мониторинга соответствия финансирования, предоставленного НБР, целям устойчивого развития и ежегодно публикует результаты. В этом он кардинально отличается от других ключевых банков развития, таких как Всемирный банк и три крупных региональных банка (АБР, АфБР, МАБР). Все они, хотя и упоминают ЦУР в ежегодных докладах, имеют различные социальные и экологические стратегии, соответствующие ЦУР, но не публикуют сведения о непосредственном вкладе своих проектов в достижение ЦУР на регулярной основе.

В этом исследовании мы улучшили методологию, предложенную Новым банком развития. Банк связывает каждый проект только с одной основной целью, хотя некоторые программы способствуют реализации целого ряда целей, – например, «Проект устойчивых муниципалитетов штата Пара»¹ покрывает сразу несколько направлений: строительство дорог, улучшение санитарных условий, усиление цифровизации. Иными словами, это вклад в три разные ЦУР, в равной степени значимые. Поэтому мы соотносим каждый проект НБР со всеми ЦУР, достижению которых он способствует.

Чтобы рассчитать вклад проектов НБР в ЦУР, мы проанализировали список проектов, опубликованный на сайте банка. Всего в списке 126 проектов. 94 из них одобрены, 27 предложены и 5 отменены. В целях данного исследования мы взяли только одобренные проекты на общую сумму 33 млрд долл. Затем мы использовали следующую схему:

- во-первых, мы отобрали только одобренные проекты, включая техническое содействие;

¹ New Development Bank. Pará Sustainable Municipalities Project. Режим доступа: <https://www.ndb.int/projects-parabrazil/>

- во-вторых, мы связали каждый из 94 одобренных проектов со всеми ЦУР, достижению которых он может способствовать, используя опубликованное описание проекта, цели и показатели ЦУР. Мы оценивали только прямое воздействие, не учитывая, к примеру, потенциальные экономические плюсы для сельских домохозяйств от улучшения дорожной сети или эффект от улучшения санитарных условий для общественного здоровья;
- в-третьих, мы суммировали количество проектов и объем займов в таблице (с. 106). Поскольку один проект может быть атрибутирован с целым рядом целей, суммарная стоимость проектов превышает 33 млрд долл., а их количество – 94. Если финансирование предоставлено не в долларах США, мы брали обменный курс на дату одобрения проекта для конвертации объема займа в доллары.

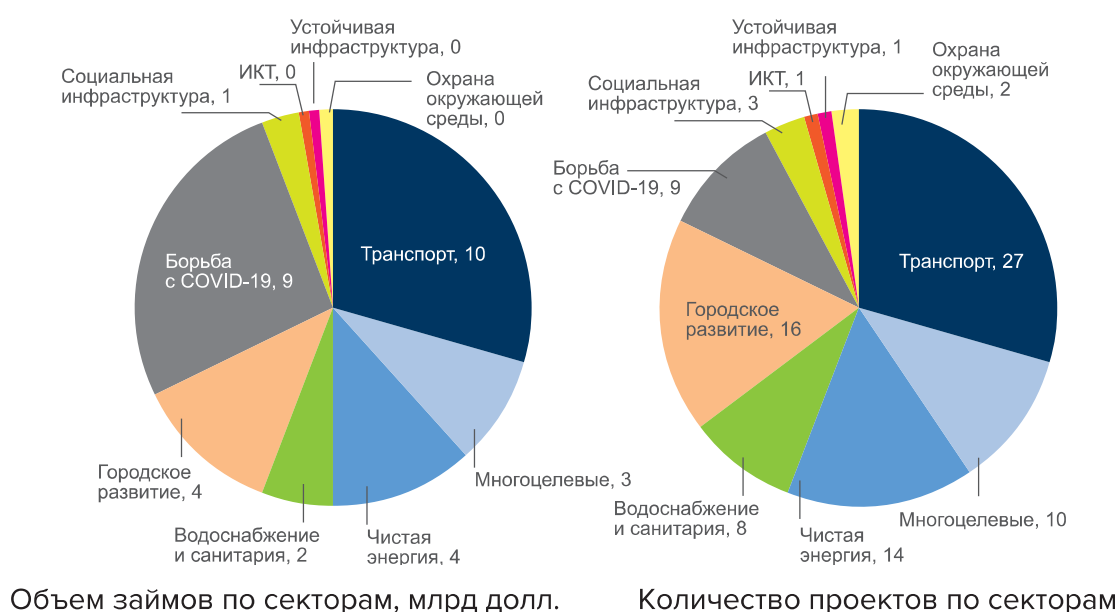

Рисунок 2. Проекты НБР по секторам, количеству и объему (млрд долл.), 2023 г.

Источник: [NDB (n.d.)]

Секторальные диаграммы (см. рисунок 2 на с. 104) демонстрируют приблизительную структуру вклада проектов в достижение ЦУР, исключая средства, экстренно выделенные на борьбу с COVID-19, и мультисекторальные займы. Как показывает наш первичный анализ, большая часть – это инфраструктурные проекты, связанные с транспортом, социальной сферой и устойчивой инфраструктурой. На втором месте мы видим чистую энергию – 14 проектов объемом 4 млрд долл. Таким образом, можно утверждать, что основной вклад НБР связан с ЦУР 9 (Индустриализация, инновации и инфраструктура) и ЦУР 7 (Доступная и чистая энергия). В то же время сектор нельзя использовать для точной оценки вклада проекта в ЦУР, поскольку некоторые проекты могут быть атрибутированы к нескольким ЦУР в рамках одного сектора. Например, «Проект городского развития и развития

мобильности в муниципалитете Сорокаба»² содержит меры, направленные на улучшение городского планирования (ЦУР 11) и дорожной инфраструктуры (ЦУР 9). Еще один вызов секторальной структуре связан с непрямой ассоциацией сектора и ЦУР. Например, два из трех проектов в сфере социальной инфраструктуры касаются образования («Программа образовательной инфраструктуры Терезины»³ и «Развитие образовательной инфраструктуры для высококвалифицированных работников»⁴), меры, предусмотренные «Проектом поддержки судебной системы»⁵, больше способствуют совершенствованию ИКТ-инфраструктуры в судебной сфере. В следующем разделе мы более детально рассмотрим взаимосвязь между операционной деятельностью банка и ЦУР.

4. НБР и устойчивое развитие

Новый банк развития одобрил пакет документов, определяющих его деятельность в экологической и социальной сферах, включая Социально-экологические основы и принципы, Основы политики устойчивого финансирования. Они обеспечивают экологическую и социальную обоснованность и устойчивость деятельности, а также поддерживают интеграцию этих аспектов в процесс принятия решений, в том числе при одобрении проектов и использовании «зеленых» и устойчивых инструментов. Базовый документ – Социально-экологические принципы [NDB 2016], в нем определены категории проектов в соответствии с их социальным и экологическим воздействием: А – значительное неблагоприятное воздействие; В – менее негативное воздействие; С – минимальное неблагоприятное воздействие или его отсутствие. Эта информация доступна по всем проектам на портале НБР. Также существует правило, что, если проект осуществляется через финансового посредника (т.е. заемные средства перечисляются в другой банк или фонд) и при этом имеет значительное негативное воздействие (категория А), решение о его одобрении напрямую принимает совет директоров НБР [NDB 2016. P. 8].

Портфель проектов НБР напрямую способствует достижению 12 из 17 целей устойчивого развития (таблица 2 на с. 106). Мы видим, что, как и ожидалось, значительная доля инвестиций НБР связана с ЦУР 9 – 49 проектов содержат хотя бы одну меру, затрагивающую эту цель. Это соответствует мандату банка, в котором инфраструктура определяется как главный сектор инвестиций. Второе место по количеству проектов занимает ЦУР 7, как и показывала секторальная структура. По объему проектов на втором месте ЦУР 8.

² New Development Bank. Sorocaba Mobility and Urban Development Project. Режим доступа: <https://www.ndb.int/xian-xianyang-international-airport-phase-iii-expansion-project/>

³ New Development Bank. Teresina Educational Infrastructure Program. Режим доступа: <https://www.ndb.int/project/brazil-teresina-educational-infrastructure-program>

⁴ New Development Bank. Development of Educational Infrastructure for Highly Skilled Workforce. Режим доступа: <https://www.ndb.int/project/russia-development-educational-infrastructure-highly-skilled-workforce/>

⁵ New Development Bank. Judicial System Support Project. Режим доступа: <https://www.ndb.int/judicial-support-russia/>

Таблица 2. Одобренные проекты НБР и их взаимосвязь с основной ЦУР

Взаимосвязь с ЦУР	Количество проектов	Суммарный объем одобренных проектов (млн долл.)	Доля от общей стоимости проекта (%)
ЦУР 1. Ликвидация нищеты	3	3000	8,9
ЦУР 2. Ликвидация голода	1	300	0,9
ЦУР 3. Здоровье и благополучие	6	4214	12,6
ЦУР 4. Качественное образование	3	650	1,9
ЦУР 6. Чистая вода и санитария	17	4406	13,1
ЦУР 7. Доступная и чистая энергия	20	5990	17,8
ЦУР 8. Достойная работа и экономический рост	14	8476	25,2
ЦУР 9. Индустриализация, инновации и инфраструктура	49	15 293	45,5
ЦУР 11. Устойчивость городов и населенных пунктов	15	4942	14,7
ЦУР 13. Борьба с изменением климата	2	600	1,8
ЦУР 16. Мир, правосудие и доступ к институтам	1	460	1,4

Источник: расчеты авторов на основе данных [NDB (n.d.)]

Эти результаты несколько отличаются от сведений о взаимосвязи с ЦУР, которые опубликованы в ежегодном докладе. Первая и главная причина – методология, позволяющая нам привязать больше проектов к конкретной цели. Например, по оценкам НБР, 24 проекта способствовали ЦУР 9 с 8 млрд долл. инвестиций. Однако есть проекты с меньшим содействием этой цели, и их не учитывали, поэтому наши подсчеты дают более высокую цифру – 49 проектов. К сожалению, нет доступной информации о финансировании подпроектов, что не позволяет нам сделать более точную оценку финансового вклада в достижение конкретных ЦУР. Поэтому в каждую цель включена полная стоимость проекта. Вторая причина – обновленные данные в нашем исследовании, ежегодный доклад НБР не включает 10 проектов в этой сфере, одобренных в 2022–2023 гг.

В рамках своей стратегии по устойчивому развитию НБР публикует ежегодный доклад по индикаторам, связанным с ЦУР, и планируемыми результатам реализации проектов банка (таблица 3 на с. 107). Ожидаемые результаты доступны только по тем индикаторам, для которых взаимосвязь с ЦУР и потенциальное воздействие очевидны и поддаются количественному исчислению. Например, три проекта, определенные как имеющие воздействие на ЦУР 1 (ликвидация нищеты), – это экстренные займы на борьбу с COVID-19⁶. Одна из их заявленных целей – укрепление системы социального обеспечения, что совпадает с задачей 1.3 (внедрение подходящей для

⁶ New Development Bank. COVID-19 Emergency Program for South Africa. Режим доступа: <https://www.ndb.int/news/ndb-board-directors-approves-usd-1-billion-covid-19-emergency-program-loan-south-africa/>

страны системы социальной защиты и меры для всех, включая низшие слои, к 2030 г. должен быть достигнут существенный охват бедных и уязвимых групп населения) и 1.5 (к 2030 г. повысить жизнестойкость малоимущих и лиц, находящихся в уязвимом положении, и уменьшить их незащищенность и уязвимость перед вызванными изменением климата экстремальными явлениями и другими экономическими, социальными и экологическими потрясениями и бедствиями) [UN 2015]. Однако конкретной оценки по числу затронутых людей в проектной документации нет.

Таблица 3. Ожидаемое влияние деятельности НБР на достижение ЦУР

Показатели развития	Ожидаемый результат	Взаимосвязь с ЦУР
Школы, которые будут построены или модернизированы	58	ЦУР 4. Качественное образование
Объем очистки сточных вод	535 000 куб. м в день	ЦУР 6. Чистая вода и санитария
Увеличение снабжения питьевой водой	159 000 куб. м в день	ЦУР 6. Чистая вода и санитария
Строительство/модернизация гидроканалов и инфраструктуры	1300 км	ЦУР 6. Чистая вода и санитария
Планируемая мощность генерации возобновляемой и чистой энергии	2800 МВт	ЦУР 7. Доступная и чистая энергия
Строительство/модернизация дорог	15 300 км	ЦУР 9. Индустриализация, инновации и инфраструктура
Строительство/модернизация мостов	820	ЦУР 9. Индустриализация, инновации и инфраструктура
Строительство городской сети транзитных железных дорог	230 км	ЦУР 11. Устойчивость городов и населенных пунктов
Города, которым принесут пользу проекты НБР	40	ЦУР 11. Устойчивость городов и населенных пунктов
Выбросы CO ₂ , которых можно будет избежать	5,5 млн т в год	ЦУР 13. Борьба с изменением климата

Источник: [NDB 2021]

Таким образом, наш анализ показывает, что НБР в основном способствует достижению тех целей, которые вызывают наименьшие дискуссии на данном этапе развития мировой экономики, – это ЦУР 6, ЦУР 7, ЦУР 8, ЦУР 9. Аналогичные результаты с акцентом на ЦУР 7 и ЦУР 9 были получены при кейсовом исследовании пяти проектов НБР [Braga, de Conti, Magacho 2022]. В других исследованиях также отмечается высокая доля проектов, классифицируемых как «устойчивая инфраструктура» (60,4% к концу 2019 г.), что свидетельствует об обязательствах, взятых на себя НБР в сфере устойчивости [Humphrey 2020].

Однако, как показывает исследование воздействия кризиса на ЦУР, основные вызовы связаны с целями 1, 2, 3, 4, 8 и 10. Чтобы быть ключевым игроком в глобальном устойчивом развитии, НБР должен уделять особое внимание этим сферам. Действительно, банк уже реализует проекты, направленные на достижение именно этих целей, и они в основном напрямую связаны с программой содействия борьбе с COVID-19.

Например, три проекта, связанные с ЦУР 1, это первые проекты в рамках Программы экстренных займов на борьбу с COVID-19 для Бразилии⁷, ЮАР⁸ и Индии⁹. Во всех программах есть меры, нацеленные на обеспечение минимального уровня дохода для уязвимых групп населения и улучшение систем социальной защиты (задача 1.3). ЦУР 2 приобретает особую важность в условиях нынешнего кризиса, на фоне роста цен на сельхозпродукцию, однако воздействие ограничено, как в случае с «Индийским национальным фондом инвестиций и инфраструктуры: Фондом фондов»¹⁰. Фонд сосредоточился на ключевых социально-экономических сферах индийской экономики, но НБР не обладает прямым влиянием на тематику проектов, и в конечном итоге вклада в реализацию ЦУР 2 может не оказаться. Пять проектов связаны с очень важной ЦУР 3, однако они включают уже упомянутые инвестиции в индийский фонд и проекты в рамках Программы экстренных займов на борьбу с COVID-19 в ЮАР и Индии. Добавим к этому еще два проекта в рамках этой же программы в Китае¹¹ и России¹², которые направлены на поддержку здравоохранения двух стран. ЦУР 10 не присутствует в проектах НБР, тем не менее деятельность банка может оказать косвенное влияние на уязвимое население сельских и отдаленных районов благодаря улучшению инфраструктуры, которое позволит минимизировать транспортные расходы.

Микроуровневый анализ проектов НБР и их вклада в достижение ЦУР демонстрирует преобладание воздействия на инфраструктуру и рост в деятельности банка. В то же время банк быстро отреагировал на пандемию в 2020 г. и стал предоставлять займы, нацеленные на такие социальные аспекты, как социальное обеспечение, образование и здравоохранение.

Однако в настоящий момент НБР и вся система глобального развития столкнулись с беспрецедентными вызовами. Многосторонние институты занимаются кризисным менеджментом и пытаются стабилизировать глобальную экономику. Все более вероятная стагфляция тревожит МВФ и Всемирный банк. ООН занята воздействием кризиса на развивающийся мир и соответствующие ЦУР. В условиях новых, сложных и неожиданных вызовов для человечества необходима выработка новых практических подходов. Страны БРИКС, часто позиционирующие себя как экспертные центры развивающегося мира, способны выработать амбициозную повестку и решения, направленные на развитие стран глобального Юга и предлагающие новые пути догоняющего развития.

⁷ New Development Bank. Emergency Assistance Program in Combating COVID-19. Brazil. Режим доступа: <https://www.ndb.int/project/brazil-emergency-assistance-program-combating-covid-19>

⁸ New Development Bank. COVID-19 Emergency Program. South Africa. Режим доступа: <https://www.ndb.int/project/south-africa-covid-19-emergency-program>

⁹ New Development Bank. Emergency Assistance Program in Combating COVID-19. India. Режим доступа: <https://www.ndb.int/project/india-ndb-emergency-assistance-program-combating-covid-19>

¹⁰ New Development Bank. National Investment and Infrastructure Fund: Fund of Funds – I. Режим доступа: <https://www.ndb.int/project/india-national-investment-infrastructure-fund-fund-funds/>

¹¹ New Development Bank. NDB Emergency Assistance Program in Combating COVID-19. Режим доступа: <https://www.ndb.int/project/india-ndb-emergency-assistance-program-combating-covid-19/>

¹² New Development Bank. COVID-19 Emergency Program Loan for Supporting Russia's Healthcare Response. Режим доступа: <https://www.ndb.int/project/covid-19-emergency-program-loan-for-supporting-russias-healthcare-response/>

5. Выводы и рекомендации

В этой статье мы рассмотрели нынешнее состояние ЦУР и некоторые вызовы в области устойчивого развития, включая необходимость пересмотра ряда целей и адаптации их к новой ситуации в мире. В частности, это касается ЦУР 3 и пересмотра подходов к устойчивости системы здравоохранения. Существует несколько каналов, посредством которых многосторонние банки развития могли бы способствовать этому процессу, включая прямое финансирование, связанное с ЦУР, формирование норм и повестки развития, экспертные оценки в сфере нынешних вызовов, мобилизацию частного финансирования.

Новый банк развития как важный игрок в этой сфере и единственный глобальный многосторонний банк, состоящий исключительно из развивающихся стран, занимает уникальную позицию и может устанавливать правила для всех. Мы проанализировали взаимосвязь между деятельностью банка и ЦУР и показали значительный вклад института в достижение 12 из 17 целей, в особенности ЦУР 6, ЦУР 7, ЦУР 8 и ЦУР 9. Однако есть несколько способов укрепить роль НБР в устойчивом развитии.

Во-первых, сейчас можно существенно расширить роль НБР в формировании норм и повестки развития. Пока она ограничивается продвижением рынков облигаций в национальной валюте, однако НБР мог бы играть более активную роль в разработке новой повестки ЦУР с учетом вызовов, которые обнажили последние глобальные кризисы, включая неравенство, бедность, продовольственную безопасность и здравоохранение. Публикация отчетов по ЦУР и лучших практик по проектам, связанным с ними, – лишь одна из возможностей играть более заметную роль в этой сфере.

Во-вторых, наш анализ показал, что существует пространство для увеличения прозрачности по финансированию НБР подпроектов, в том числе направленных на достижение различных ЦУР. Поскольку НБР позиционирует себя как банк, нацеленный на продвижение устойчивого развития, он мог бы более четко формулировать вклад проектов в ЦУР. По некоторым проектам такие данные присутствуют, но в большинстве их нет.

В-третьих, НБР должен уделять больше внимания современным вызовам, с которыми столкнулось мировое сообщество, включая рост неравенства. Критическое значение имеет ЦУР 10: 2020–2021 и 2022 годы привели к росту неравенства как внутри стран, так и между ними [World Inequality Lab. 2022]. Только если уделять особое внимание критическим аспектам глобального развития, наше общее будущее станет выглядеть более оптимистично.

Библиография

Григорьев Л. М., Ёлкина З. С., Медникова П. А., Серова Д. А., Стародубцева М. Ф., Филиппова Е. С. «Идеальный шторм» личного потребления // Вопросы экономики. 2021. 10. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-10-27-50>

Морозкина А.К. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том 63. №9. Режим доступа: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92>

ADB. Asian Development Bank Annual Report 2020. Building Resilience in Challenging Times. Manila, 2023. Режим доступа: <https://www.adb.org/documents/series/adb-annual-reports>

AfDB. African Development Bank Group Annual Report 2022. Abijian, 2023. Режим доступа: <https://www.afdb.org/en/annualreport>

АИВ. 2022 АИВ Annual Report. 2023. Режим доступа: <https://www.aiib.org/en/news-events/annual-report/overview/index.html>

Artecona R., Bisogno M., Fleiss P. Financing development in Latin America and the Caribbean: the role and perspectives of multilateral development Banks. Studies and Perspectives series – ECLAC Office in Washington, D.C., No. 19 (LC/TS.2019/32; LC/WAS/TS.2019/1), Santiago, Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC), 2019.

Avellan L., Galindo A. J., Lotti G., Rodriguez J.P. Bridging the gap: mobilization of multilateral development banks in infrastructure. IDB Working Paper Series #1299. 2022.

Bazbauers A.R., Engel S. The Global Architecture of Multilateral Development Banks: A System of Debt or Development? Abington: Routledge, 2021.

Bhattacharya A., Kharas H., Plant M., Prizzon A. The New Global Agenda and the Future of the Multilateral Development Bank System // International Organisations Research Journal. 2018. Vol. 13. No 2. P. 101–124. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-06>

Bobylev S.N., Grygoryev L.G. In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS // BRICS Journal of Economics. 2022. Vol. 1. No 2. Режим доступа: <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-7>

Braga J. P., De Conti B., Magacho G. The New Development Bank (NDB) as a mission-oriented institution for just ecological transitions: a case study approach to BRICS sustainable infrastructure investment // Revista Tempo do Mundo. 2022. No 29. P. 139–164.

BRICS Agreement on the New Development Bank. 2014. Режим доступа: <https://www.ndb.int/wp-content/themes/ndb/pdf/Agreement-on-the-New-Development-Bank.pdf>

Broccolini C., Lotti G., Maffioli A., Presbitero A., Stucchi R. Mobilization Effects of Multilateral Development Banks. World Bank Policy Research Working Paper #9163. 2020. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33395>

ЕС. Life expectancy decreased in 2020 across the EU. 2021. Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/product/-/asset_publisher/VWJkHuaYvLIN/content/id/12645457/pop_up

Gable S., Lofgren H., Rodarte I.O. Trajectories for Sustainable Development Goals Framework and Country Applications. Washington, DC: World Bank, 2015. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/23122>

Griffith-Jones S. Development Banks and their key roles: Supporting investment, structural transformation and sustainable development. Discussion Paper 59: Bread for the World. 2016. Режим доступа: https://www.stephanygj.net/papers/Development_banks_and_their_key_roles_2016.pdf

Griffith-Jones S., Gottschalk R. Exogenous Shocks: Dealing with the only Certainty: Uncertainty. Paper prepared for the Commonwealth Secretariat September 2012, for the Commonwealth Finance Ministers' Meeting, Tokyo, 10 October 2012.

Grigoryev L.M., and Medzhidova D.D. (2020). Global energy trilemma // Russian Journal of Economics. 2020. No 6. P. 437–462. Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/j.ruje.6.58683>

Grigoryev L.M., Morozkina A.K. Pandemic shock and recession: the adequacy of anti-crisis measures and the role of development assistance // COVID-19 and Foreign Aid: Nationalism and Global Development in a New World Order / Eds: Jakupec V., Kelly M., de Percy M. Routledge, 2023.

Handl G. The Legal Mandate of Multilateral Development Banks as Agents for Change Toward Sustainable Development // The American Journal of International Law. 1998. Vol. 92. No 4. P. 642–665.

Humphrey C. From drawing board to reality: the first four years of operations at the Asian Infrastructure Investment Bank and New Development Bank. 2020. Режим доступа: <https://doi.org/10.3929/ethz-b-000411422>

IADB. Annual Report 2022. Financial Statements. Режим доступа: <https://publications.iadb.org/en/inter-american-development-bank-annual-report-2022-financial-statements>

ИММЕ. Financing Global Health 2020: The impact of COVID-19. Seattle, WA: ИММЕ, 2021.

IMF. Economic Outlook. Recovery During a Pandemic. Health Concerns, Supply, Disruptions, and Price Pressures. October 2021. Washington, DC, 2021. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021>

Kenny C. Marginal, Not Transformational. Development Finance Institutions and the Sustainable Development Goals. CGD Policy Paper 156. Washington, DC: Center for Global Development, 2019. Режим доступа: <https://www.cgdev.org/publication/marginal-not-transformational-development-finance-institutions-and-sustainable>

Liu Z. et al. Global Daily CO2 emissions for the year 2020 // Researchgate. 2021. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/349759072_Global_Daily_CO_2_emissions_for_the_year_2020

Mendez A., Houghton D.P. Sustainable Banking: The Role of Multilateral Development Banks as Norm Entrepreneurs // Sustainability. 2020, 12 (3), 972. Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su12030972>

NDB, 2016. Environment and Social Framework. Режим доступа: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2017/02/ndb-environment-social-framework-20160330.pdf>

NDB, 2021. Annual report 2020. Режим доступа: <https://www.ndb.int/data-and-documents/annual-reports/>

NDB, 2023. Investor Presentation. Режим доступа: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2023/04/Investor-Presentation_2023.pdf

NDB (n.d.) List of all projects [dataset]. Режим доступа: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/>

OECD, 2018. OECD DAC Blended Finance Principles for Unlicking Commercial Finance for the Sustainable Development Goals. Режим доступа: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-topics/OECD-Blended-Finance-Principles.pdf>

OECD, 2021a. Development co-operation during the COVID-19 pandemic: An analysis of 2020 figures and 2021 trends to watch, in Development Co-operation Profiles. Paris: OECD Publishing. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/e4b3142a-en>.

OECD, 2021b. Development Co-operation Report 2021: Shaping a Just Digital Transformation. Paris: OECD Publishing. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/ce08832f-en>

OECD (n.d.). International Development Statistics (IDS) online databases [dataset]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/idsonline.htm>

Our World in Data (n.d.). Our World in data database [dataset]. Режим доступа: <https://ourworldindata.org/>

Sachs J.D., Kroll C., Lafortune G., Fuller G., and Woelm F. Sustainable development report 2021. Cambridge, Cambridge University Press, 2021. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/9781009106559>

UN, 2015. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Режим доступа: <https://sdgs.un.org/2030agenda>

UN, 2020. UN Secretary-General appoints 15 independent scientists to draft the second quadrennial Global Sustainable Development Report. Режим доступа: <https://sdgs.un.org/news/un-secretary-general-appoints-15-independent-scientists-draft-second-quadrennial-global>

UN, 2021. The Sustainable Development Goals Report. NY: United Nations Publications. Режим доступа: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2021/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2021.pdf>

UN, 2023. Global Sustainable Development Report 2023. NY: United Nations Publications. Режим доступа: <https://sdgs.un.org/gedr/gedr2023>

UNESCO. Education: From Disruption to Recovery. UNESCO, 1 April 2021. Режим доступа: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>

World Bank, 2023. Annual Report 2022. A New Era in Development. Режим доступа: <https://doi.org/10.1596/AR2023EN>

World Bank (n.d.) World Development Indicators Database [dataset]. World Bank. <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

World Inequality Lab. World Inequality Report 2022. Режим доступа: <https://wir2022.wid.world/>